

Владимир МАРЫШЕВ

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ФАЗА

Фантастический рассказ

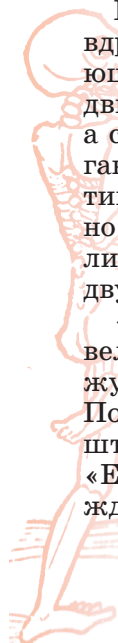
В ноздреватой облачной пелене возникла прореха, и выглянуло темно-желтое местное солнце. Оно казалось состарившимся земным, и на него, слегка прищурившись, можно было смотреть без опаски.

Но Лосев на солнце не смотрел. Он стоял перед двумя рядами одинаковых земляных холмиков, переводил взгляд с одного на другой и думал о том, какая жестокая штука жизнь. Теперь ему предстояло цепляться за нее три долгих года и каждый день бороться с высасывающим душу одиночеством. А для этих восьмерых все уже было кончено. И бессмысленно искать причину. В космосе нет справедливости, все решают законы физики и теория вероятностей. Кому уцелеть, а кому кануть в небытие — зависит от слепого случая.

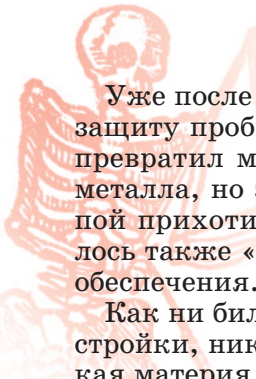
Лосев чувствовал страшную усталость, словно не киберы копали могилы, а он сам, согнувшись в три погибели, вырыл их примитивной лопатой.

В такие минуты не принято думать о мелком, но он вдруг поймал себя на мысли, что его раздражают порхающие в воздухе лиловые пушинки. Судя по характеру движений, это были не причудливые летучие семена, а самостоятельные, хотя и довольно примитивные, организмы. Они то опускались к зарослям похожей на щетину бурой травы, то вновь уносились в небо, непрерывно выписывая зигзаги и крутые спирали. Словом, резвились всюю, и им дела не было до трагедии, пережитой двуногими чужаками...

«Тубан» летел к Дзете Волка три года. Экипаж провел их в анабиозных капсулах, бодрствовали лишь дежурные, сменявшие друг друга каждые четыре месяца. Почти весь полет прошел без малейших отклонений от штатного режима. Но не зря говорят звездолетчики: «Если космос долго не преподносил тебе сюрпризов — жди беды!»

Уже после выхода из сверхсвета противометеоритную защиту пробил увесистый космический булыжник. Он превратил маршевый двигатель в массу бесполезного металла, но это было еще не самое страшное. По нелепой прихоти судьбы на пути кочующего камня оказалось также «сердце» анабиозного отсека — блок жизнеобеспечения.

Как ни бился Лосев, как ни пытался восстановитьстройки, никто из спящих не проснулся. Слишком тонкая материя — анабиоз. Стоит нарушить любой из протекающих в капсулах процессов, и изменение становится необратимым.

К счастью, планетарные двигатели не пострадали, а ремонтные киберы успели заделать пробоины в обшивке. Возможно, узкий специалист не сумел бы грамотно распорядиться даже таким везением. Но Лосев был старшим помощником капитана и хорошо рассчитал каждый свой шаг.

Вокруг Дзеты Волка вращались три планеты. У самой маленькой из них, ближайшей к светилу, анализаторы обнаружили кислородную атмосферу. Посадить звездолет в одиночку, даже с помощью автоматики, было непростой задачей, но Лосев справился. Потом изучил и перепроверил взятые киберами-разведчиками стандартные пробы. Они говорили о том, что воздух пригоден для дыхания, патогенных микробов нет и скафандр для выхода на поверхность не понадобится.

Наконец Лосев ступил на землю чужого мира. И первым делом, найдя к югу от корабля идеально ровное место, похоронил товарищей.

Он вызвал спасатель, как только убедился, что сумеет продержаться до его прибытия. Если у звездолетчиков путь на сверхсвете отнимает годы, то гиперпространственный сигнал передается мгновенно, и уже вскоре пришел ответ. Из него следовало, что подходящий корабль подобран и сейчас снаряжается. От старпома «Тубана» требовалось лишь одно — продержаться ни много ни мало три года.

Присев на корточки перед ближайшим холмиком, Лосев провел ладонью по ребру серебристой пластины с надписью: «Ласло Ковач, капитан исследовательского звез-

долета «Тубан». И тут же на руку ему опустилась лиловая пушинка, а секунду спустя рядом с ней пристроилась другая. Лосев вздрогнул, как от ожога, стряхнул пушинки и даже потерял место, на котором они сидели.

«Нервы, — подумал он, поднимаясь, и посмотрел на застывших в стороне от могил киберов-универсалов. — Вот кого ничего не волнует. Была бы работа, все остальное — вздор. Чтобы не свихнуться за годы ожидания, я должен стать, как они. Не накручивать себя мыслями о том, как все паршиво, а вкалывать и вкалывать».

Следующие две недели ему действительно было не до рассуждений о судьбе-злодейке. Первая ушла на возведение станции. Киберы вытаскивали из трюма несущие конструкции, соединяли их, устанавливали аппаратуру, протягивали коммуникации. И на всех этапах он контролировал ход работ.

Наконец был смонтирован и запущен ядерный реактор. Лосев тут же перебрался на станцию и всю вторую неделю изучал образцы, которые неумоимо доставляли киберы-разведчики. Он не очень разбирался в биологии, но его всячески просвещал ГК — главный компьютер станции. Вдвоем они довольно живо взялись за дело и вскоре добились первых успехов. Например, выяснили, что лиловые пушинки черпали энергию в сложных химических реакциях, а по воздуху передвигались, периодически взмахивая разными группами волосков.

Лосев видел немало миров и был уверен: за три года даже безобидная, казалось бы, планета непременно покажет зубы. Но искренне надеялся, что самое страшное уже позади, и, представляя возможную встречу с неведомым, исходил из стереотипов. Он ошибался.

Как-то утром, после завтрака, Лосев прошел в лабораторию и по обыкновению стал расхаживать взад-вперед, обдумывая план работы на день. В момент, когда он мысленно поставил точку, раздался негромкий, но противный пульсирующий свист. Это впервые подала голос система наружного наблюдения.

Лосев вырубил звук и подошел к выпуклому панорамному окну. От увиденного у него гулко застучало сердце: к станции приближался... человек. Его походка ка-

залась скованной, механистичной, как у автомата. Но это был не автомат. И явно не абориген-гуманоид.

«Бред, — подумал Лосев. — Видимо, делая анализ воздуха, я проглядел какой-то галлюциноген».

Он крепко зажмурился и досчитал до десяти. Но, открыв глаза, убедился, что человек не исчез. Более того, теперь не вызывало сомнений, что это бортинженер «Тубана» Вэнь Тао. Маленький приветливый китаец со смешной челкой должен был лежать под метровым слоем земли, а не изображать живого.

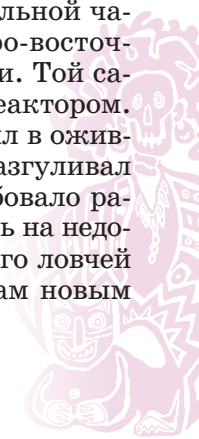
Вот именно — он только изображал. Изменившаяся походка еще ни о чем не говорила — мало ли что могло на нее повлиять! Но лицо... Сейчас оно у Вэня, постоянно улыбавшегося в тридцать два зуба, было безжизненным, словно вылепленным из глины.

Китаец подошел вплотную к окну, и у Лосева, который за свои сорок лет навидался всякого, мерзко засосало под ложечкой. Глаза у Вэня были пустые, как у мумии. Густо вымазанная глиной челка слиплась и уже не выглядела смешной. Ошметки грязи прилипли к лицу, рукам и светло-зеленому комбинезону, в котором бортинженера похоронили.

Вэнь оцупал прозрачную броню. Затем, словно пробуя ее на прочность, надавил: сначала одной рукой, потом — обеими. У него, разумеется, ничего не вышло: мономолекулярный супергласс — материал серьезный. Убедившись, что окно не поддается, китаец снова отошел и стал топтаться на месте. Время от времени он поворачивался на несколько градусов и, вытянув шею, замирал. «Как ищейка, берущая след», — подумалось Лосеву.

Наконец, видимо, след был взят. Станция представляла в плане крест: от ромбической центральной части отходили четыре луча. Вэнь выбрал северо-восточный луч и уверенно двинулся к его оконечности. Той самой, где находился силовой отсек с ядерным реактором.

Лосев проводил китайца взглядом. Он не верил в оживших мертвецов, но один из них преспокойно разгуливал под окном, словно никогда не умирал. Это требовало разумного объяснения. Проще всего было напустить на недопокойника разведчиков, чтобы они спеленали его ловчей сетью и доставили на лабораторный стол. А там новым

объектом займется умный аппарат, который вчера препарировал одну из местных тварей — пучеглазую сухопутную лягушку. Пора дать ему настоящую работу, сколько можно упражняться на мелюзге?

Идея была соблазнительная, но Лосев после минутного колебания ее отверг. Во-первых, киберы не могли причинить вред человеку и вряд ли сделали бы исключение для ходячих покойников. Хотя был способ обойти это препятствие, думать о нем не хотелось. А во-вторых...

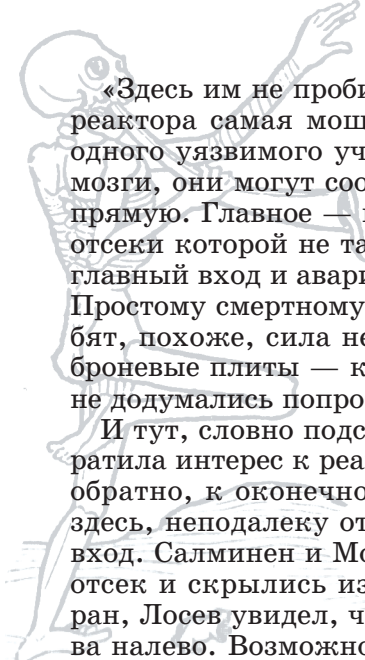
Лосев не был особо дружен с Вэнем, но когда-то им обоим пришлось вместе месить болота Лигеи. И постоянная, словно приклеенная, улыбка бортинженера помогала старпому выйти из затяжной депрессии, когда хотелось броситься вниз головой в булькающую топь...

Но пассивно наблюдать за творящейся снаружи чертовщиной было хуже всего. Лосев включил обзорный экран, и у него вновь противно заныло под ложечкой. С юга к станции неторопливо и размеренно двигались еще три темные фигуры. Небольшое увеличение показало, что это штурман Герман Пронский, пилот Содзио Морита и врач Хейкки Салминен.

Все они, если не задумываться об их природе, выглядели безобидно. Но Лосев не мог не задумываться, и его кольнуло дрянное предчувствие. Даже не просто дрянное, а злоещее.

Терять время не стоило, и ноги сами привели Лосева к оружейному боксу. Перебирая стволы, он пытался убедить себя, что никогда не выстрелит в человека, пусть даже это бывший человек. Но так мыслило его правильное, образцово-показательное «я». А второе «я», неправильное, деловито рассуждало: «На иглометы надежды нет — кто знает, действуют ли они на зомби? Гранатомет — перебор, я же не динозавра собираюсь завалить. А вот лучевик — то, что надо».

Выбрав подходящий, на его взгляд, лучевик, он проверил заряд и вернулся в лабораторию. В окно были хорошо видны четыре фигуры на фоне силового отсека. Чем выходцев с того света притягивал реактор, оставалось только гадать. Но они явно стремились к нему, потому что старательно ощупывали стены, уделяя особое внимание выступам и стыкам между панелями.

«Здесь им не пробиться, — подумал Лосев. — Вокруг реактора самая мощная броня, стыки надежны — ни одного уязвимого участка. Но если у них сохранились мозги, они могут сообразить, что незачем ломиться напрямую. Главное — попасть внутрь станции, остальные отсеки которой не так защищены. Да и за обе двери — главный вход и аварийный выход — я бы не поручился. Простому смертному, конечно, не пройти, но у этих ребят, похоже, сила нечеловеческая. Вон как взялись за броневые плиты — кажется, вот-вот вывернут. Хоть бы не додумались попробовать в других местах...»

И тут, словно подслушав его мысли, вся четверка утратила интерес к реактору. Вэнь и Пронский повернули обратно, к оконечности юго-восточного луча. Именно здесь, неподалеку от лаборатории, находился главный вход. Салминен и Морита, напротив, обогнули силовой отсек и скрылись из глаз. Посмотрев на обзорный экран, Лосев увидел, что они начали обход станции справа налево. Возможно, эти двое действовали наугад. Но как бы то ни было, скоро они должны были выйти к западной точке центрального ромба-перекрестья — аварийному выходу.

Лосев метнулся на склад. Среди нагромождения запасных деталей и конструкций он высмотрел прямоугольную панель подходящего размера, велел киберам-ремонтникам вытащить ее и приварить к двери главного входа. Потом швы молекулярной сварки можно будет более-менее аккуратно разъединить, а сейчас дополнительная защита не помешает. Хотелось укрепить заодно и аварийный выход, но другие такие пластины, видимо, скрывались в завалах.

Киберы справились с работой довольно быстро. И сразу после этого юго-восточный луч загудел от глухих ударов, а затем их дополнил отвратительный скрежет. На обзорном экране было видно, как Пронский и Вэнь то с разбегу таранят обшивку, то пробуют голыми руками отодрать от нее целые листы. Обычный человек уже после первых таких попыток корчился бы на земле, сломав себе плечо или порвав жилы. Но незваные гости продолжали ломиться внутрь станции — молчаливые, как роботы, и такие же несокрушимые. Судя по всему, у них был резко снижен болевой порог.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ФАЗА

*Фантастический рассказ.
Окончание*

Когда Салминен подошел к складу, Лосев выскочил, размахнулся, насколько позволяли стены коридора, и нанес удар. Несмотря на всю свою силу, оживший покойник не мог весить больше отпущенных ему природой восьмидесяти — восьмидесяти пяти килограммов, а потому сразу опрокинулся навзничь. Он неуклюже заворочался, но Лосев не дал ему подняться...

Но подлинный кошмар еще только начинался — об этом говорил доносящийся из юго-восточного луча визг раздираемой обшивки.

Лосев распахнул оружейный бокс. Там, не раздумывая, схватил гранатомет, прицепил к ремню кассету с боеприпасами и поспешил к главному входу.

Добежав до лаборатории, он заглянул в нее — и увидел Вэня. Китаец, перестав корезить обшивку, вновь занялся окном, но теперь бился о супергласс со всей силы. Возможно, он своим таинственным чутьем нашел слабое место и не мог успокоиться, пока не пройдет именно здесь.

Решение пришло мгновенно.

— Открой окно! — приказал Лосев главному компьютеру. Верхняя створка бесшумно скользнула к потолку, и Вэнь, увидев это, полез в образовавшийся проем.

Только теперь обнаружилась поразительная деталь: на желтоватой коже китайца выделялись извилистые лиловые линии, словно нанесенные тончайшей кистью. Возможно, они были и у Мориты с Салминеном, но, отбиваясь от монстров, трудно сосредоточиться на разглядывании узоров. Вот и сейчас Лосев просто отметил удивительный факт. После чего, оттеснив его до лучших времен на задворки памяти, скомандовал:

— Закрой окно!

Прозрачная створка упала вниз и рассекла Вэня пополам. Увидев это, Лосев вновь ощутил подступающую

дурноту. Но усилием воли преодолел ее, и слава богу, потому что Пронский наконец-то справился с обшивкой и прорвался на станцию.

Лосев открыл кассету, достал гранату и вставил ее в дуло. Оставалось всего ничего: представить, что мишень — не друг детства Герка Пронский, а агрессивная хищная тварь с Гебы. Он заставил себя поверить в это на каких-нибудь пять секунд. Но их хватило, чтобы выскочить в коридор, прицелиться и выстрелить.

Сверкнула вспышка. «Есть!» — победно воскликнуло второе «я». Первое на этот раз промолчало.

Лосев опустил гранатомет, прислонил к стене и сел на пол, обхватив руками колени. Хотелось зашвырнуть оружие куда подальше и забыть о разыгравшемся побоище. Но это было верное самоубийство, потому что из могил встали пока только четверо покойников. Остальные рано или поздно тоже будут здесь. Может, вот-вот нагрянут...

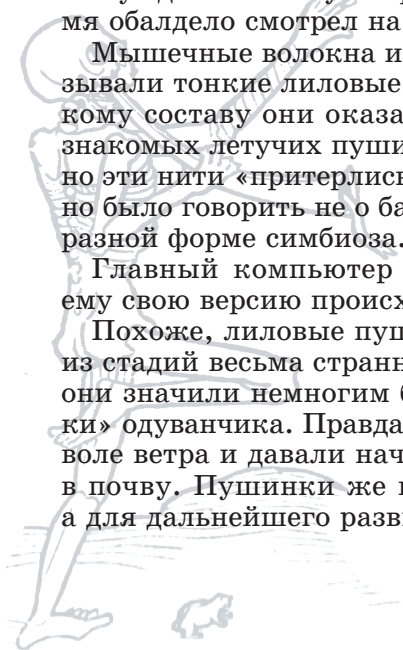
Еще несколько минут Лосев отрешенно разглядывал зеленоватую, в дымчатых разводах, стену коридора. Затем встал, подошел к останкам штурмана и поднял с пола бесформенный кусок плоти с застывшими на нем коричневыми каплями.

На первичный анализ образца в лаборатории ушло минут десять. Получив результаты, Лосев какое-то время обалдело смотрел на экран, не в силах поверить.

Мышечные волокна и сосуды Пронского густо пронизывали тонкие лиловые нити. По структуре и химическому составу они оказались идентичны волоскам уже знакомых летучих пушинок. Исходя из того, как искусно эти нити «притерлись» к человеческим тканям, можно было говорить не о банальном заражении, а о своеобразной форме симбиоза.

Главный компьютер через несколько минут выдал ему свою версию происходящего.

Похоже, лиловые пушинки представляли собой одну из стадий весьма странной формы жизни. Сами по себе они значили немногим больше, чем белые «парашютики» одуванчика. Правда, «парашютики» разлетались по воле ветра и давали начало взрослому растению, попав в почву. Пушинки же перемещались самостоятельно, а для дальнейшего развития им нужно было высокоор-

ганизованное позвоночное существо. «Прорастая» в его ткани, пушинки закладывали основу «гибридного» симбиотического организма, или, попросту, симбиота.

Дальнейший жизненный цикл «гибридных» существ ГК представлял следующим образом. Согласно его расчетам, лиловые нити могли снабжать массивное тело энергией лишь короткое время — от силы неделю-две. Биохимическими процессами сумасшедшей интенсивности они буквально сжигали себя, растрачивая заложенный природой ресурс. Так что симбиот был обречен: вскоре после второго рождения наступала и вторая смерть — уже окончательная.

Разумеется, после этого «гибридный» организм уже не получал энергию от пронизавших его нитей. Напротив, сам служил для них питательной средой, поскольку они должны были продолжить род и дать «семена». Вскоре они отрывались, взмывали в воздух пушинками и отправлялись на поиски новых жертв...

Был ли во всем этом смысл? Очевидно, был — вряд ли природа придумала столь изощренный механизм ради забавы.

Лосев откинулся на спинку стула и прикрыл глаза — так лучше думалось.

«Зачем им соваться туда? — спросил он самого себя. — Управлять реактором у зомби все равно не хватило бы мозгов, да и командный пункт совсем в другом месте. Судя по «подвигам» симбиотов, они могли только раскурочить защиту и тут же получить убойную дозу радиации. А может... Может, за этим и пришли?!»

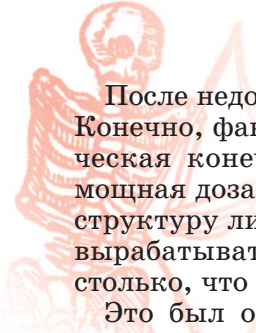
Он потер лоб.

«Намеренно облучиться... Бред какой-то, это же мучительная смерть. Хотя... Для меня — смерть. А для того, кто уже однажды умер? Может, радиация для них — редчайшее, изысканное лакомство. А вдруг...»

Лосев вздрогнул от неожиданной догадки и открыл глаза.

«...Вдруг живые мертвецы — не конечная фаза развития симбиотов, а лишь промежуточная? Чтобы сделать последний шаг, они должны подвергнуться сильному облучению. Может такое быть?»

Он тут же задал этот вопрос компьютеру.

После недолгих размышлений тот ответил: да, может. Конечно, фантазировать о том, как выглядит гипотетическая конечная фаза, ГК не стал. Но отметил, что мощная доза радиации может кардинально перестроить структуру лиловых нитей. В результате их способность вырабатывать энергию многократно возрастет — настолько, что симбиот сможет существовать долгие годы!

Это был ошеломляющий вывод. Лосев повернулся к окну и стал разглядывать застывший на полу обрубок Вэня. Он представил, как китаец, достигший загадочной конечной фазы, дожидается прибытия корабля с Земли. Да не один, а с другими симбиотами — как бывшими людьми, так и представителями местных видов, которых за три года притянул к себе реактор. Могучими, неуязвимыми и бесконечно далекими от человека. И вот прилетевшие земляне идут к станции, понятия не имея, кто и как их там встретит...

Представив эту картину, Лосев содрогнулся.

«Нет, ни за что!» — подумал он. И тут же раздался пронизывающий свист системы наружного наблюдения.

Вторая «команда» симбиотов приближалась в полном составе. Впереди, механически переставляя ноги, шли планетолог Сэм Гарретт и роботехник Хорхе Родригес. За ними, отстав на семь-восемь метров, — капитан Ласло Ковач и биолог Алиция Маевска.

На этот раз Лосев быстро сообразил, как ему лучше встретить гостей. Первым делом он отправился к перекрестью и подобрал лежащий на полу лучевик. Затем послал в переходный отсек киберов-наружников. Эти массивные роботы предназначались для выполнения трудоемких работ вне станции. Трое из них обладали лишь зачатками машинного интеллекта, поэтому управлялись четвертым, более сложным кибером — «бригадиром».

Лосев подвел наружников к дыре, проделанной Пронским возле главного входа. Затем развернул перед ними виртуальный экран системы наблюдения.

— Здесь вы видите четырех лю... — он на мгновение запнулся, — существ. Как только любое из них попытается проникнуть на станцию, вы должны уничтожить его лазерным резаком. Задача ясна?

— Это люди, — скрипучим голосом заговорил «бригадир». — Робот не может причинить вред человеку.

«Бедняга, — подумал Лосев, поднял лучевик, нажал на спусковую кнопку и продолжал давить ее, пока огненная точка в корпусе «бригадира» не стала отверстием, из которого потянуло гарью. Теперь наружники были свободны от ограничений и тупо подчинялись любым приказам. Зеленые индикаторы на их макушках означали, что задача принята к исполнению.

Стоило бы приставить киберов к обеим прорехам в защите станции. Но наружников было всего трое, и робот-одиночка мог провалить задание. Поэтому Лосев, схватив из коридора гранатомет, зашагал к перекрестью.

Как он и думал, симбиоты вновь разделились. Гарретт с Родригесом продолжали идти к главному входу, а Ковач с Алицией шли к аварийному выходу.

Стоя в проеме развороченной двери, Лосев поймал Ковача в прицел. «Прости меня, Ласло», — пробормотал он и в следующую секунду выстрелил.

Оставалась Алиция. Лосев вскинул гранатомет — и тут же опустил, потому что у него затряслись руки.

Он попытался убедить себя в том, что на него надвигается монстр — и не смог...

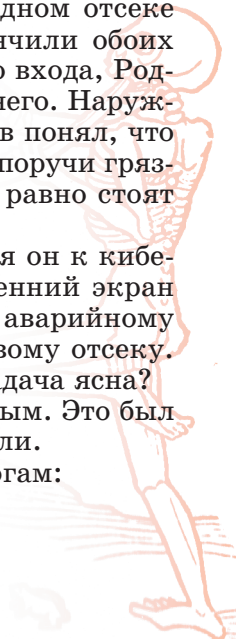
Лосев отступил от взломанной двери и развернул перед собой экран внутреннего обзора. В переходном отсеке движения не было — киберы уже прикончили обоих симбиотов. Гарретт лежал прямо у главного входа, Родригес распластался в нескольких шагах от него. Наружники застыли рядом, и, глядя на них, Лосев понял, что он идиот. Не хватает духу выстрелить? Так поручи грязную работенку бездушным автоматам, все равно стоят без дела!

— Внимание, новый объект! — обратился он к киберам по дистанционнику и вывел на внутренний экран изображение Алиции. — Приближается к аварийному выходу, затем может проследовать к силовому отсеку. Вы должны немедленно его уничтожить. Задача ясна?

Индикаторы наружников замигали желтым. Это был дурной знак: киберы явно что-то недопоняли.

Лосев выругался и стал повторять по слогам:

— Ва-ша за-да-ча...

Он успел увидеть, как на макушках наружников вспыхнули зеленые огоньки. А затем, почував за спиной смерть, обернулся. Но было поздно. Пока Лосев втолковывал киберам приказ, Алиция подошла и с невероятной для девушки силой отшвырнула его с пути. Мир расколола багровая вспышка, а мгновение спустя ее растворила в себе первозданная тьма...

Лосев не знал, как долго пролежал без сознания. Наверное, порядочно. Он прислушался к своим ощущениям. Собственно, ощущение было только одно — тупая боль в голове. Через день-другой рассосется.

«Повезло мне, — подумал Лосев, вспоминая силу удара. — Могло мозги вышибить».

Он поднялся и, скользнув равнодушным взглядом по трупам Салминена и Мориты, направился к проему, за которым начинался северо-восточный луч. В коридоре Лосев поймал себя на мысли, что сделал первый шаг к силовому отсеку не задумываясь. Будто кто-то развернул его куда нужно, да еще подтолкнул сзади: «Пошел!» Этому надо было найти объяснение, но не сейчас, потому что впереди показался еще один труп.

Алиция лежала посреди коридора, раскинув руки и уткнувшись лицом в пол. Комбинезон на спине был прожжен. Лосеву показалось странным то, с каким безразличием он встретил смерть Алиции. «Не по-людски, — подумал Лосев, пытаясь вызвать в душе хотя бы тень жалости. — Постой-постой... Не по-людски?!»

Он медленно поднял руку — и увидел ответ на все вопросы. На внезапно огрубевшей, землистого цвета коже выделялись лиловые линии. Лосев тупо разглядывал их целую минуту, потом развернулся и двинулся к выходу.

Первый шаг дался с трудом, второй — еще труднее. Его новая натура противилась тому, что можно так просто взять и уйти, не дойдя до силового отсека считанные метры. Казалось, от самого реактора исходит беззвучный таинственный зов. Он лишал воли, не оставлял выбора.

Не все способны выстоять, узнав сокрушительную правду. Лосеву полагалось окаменеть от ужаса, но он по-прежнему не испытывал никаких эмоций. Думай, не думай — ты уже не человек.

И все же что-то заставляло его сопротивляться зову.

Третий шаг потребовал невероятных усилий. Ноги словно увязли в зыбучем песке. Лосев опустился на пол и пополз, продвигаясь вперед короткими рывками.

Ему удалось добраться до перекрестья, хотя по пути несколько раз хотелось или сдаться, или умереть. Перевернувшись на спину, он какое-то время разглядывал снующие в воздухе лиловые пушинки. А потом подало голос его второе «я»:

— Ну, чего добился? Доказал всей Галактике, что обладаешь свободой выбора? Даже сейчас мнишь себя человеком? Забудь. Ты теперь нелюдь и скоро помрешь — симбиоты долго не живут. Лучше возвращайся к реактору. Из промежуточной фазы он переведет тебя в высшую.

— ...И сделает еще большим монстром, — отозвалось первое «я». — Не хочу. Когда прилетят люди...

— Не все ли равно, что с ними будет? Иди к реактору.

В аргументах второго «я» был резон, но Лосев уже все для себя решил. Сосредоточившись, он заставил циничный внутренний голос заткнуться.

Надо было спешить, пока новая натура не взяла верх. Лосев хотел вызвать киберов, но вместо слов выдавил из себя только всхлип. Тот самый, который еще в прошлой жизни слышал от Мориты. Тогда он перевел дистанционник в мануальный режим, приказал ремонтникам намертво заделать вход в силовой отсек и укрепить его стены, заключив реактор в неприступную крепость. Таковую, чтобы выдержала нашествие любых выходцев с того света, даже если на планете водятся зомби размером со слона...

Некоторое время он пытался поймать ускользающую мысль: наверное, корабль с Земли уже в пути, и надо оставить экипажу хотя бы краткий отчет о природе симбиотов. Но волна отупения смысла эту мысль, и Лосев переключился на другую. Ту, которую должен был довести до воплощения во что бы то ни стало.

Он вызвал наружников и ознакомил их с самым последним объектом, подлежащим ликвидации. Когда «убойная команда» подтвердила получение приказа зелеными огоньками, ему показалось, будто слегка кольнуло в груди — там, где еще недавно билось сердце. Но, наверное, только показалось...

